

ОХОТА ЗА «ЗОЛОТЫМ ЛУИДОРРОМ»

Сильви Моро не верила собственным глазам: неужели этот жалкий морщинистый старичок и есть знаменитый Луи де Фюнес, который смешит всех до колик в животе, получает миллионы за свои фильмы и выращивает розы в самом роскошном замке на берегу Луары?

Подумать только, три месяца азартной охоты... На счету Сильви — самые громкие разоблачения, скандальные репортажи о личной жизни знаменитостей. Она была настоящей, отлично выдрессированной ищейкой: острые зрение и слух, цепкая память, длинные ноги, спасающие от преследователей, а также научная степень по психологии и связи в самых высоких кругах. Уж если ма-

демузель Моро заинтересовалась вашим деловым предприятием или историей знакомства со второй женой, то будьте покойны: крах бизнесу и скандал в семье обеспечены.

Когда Сильви случайно увидела по телевидению пышную церемонию вручения Луи де Фюнесу ордена Почетного легиона, ее охватило необычайное возбуждение, знакомое многим журналистам. Надо же — великий комик, гордость Франции, любимец зрителей всего мира, пример-

Впервые Луи появился в кино в 1945 году. Он переиграл целую толпу слуг, мелких воришек, официантов, соседей и комичных влюбленных — общим количеством в семьдесят пять человек. 1954 г.

Сильви послала Жаннин де Фюнес несколько анонимных писем от якобы тайной возлюбленной ее мужа. Никакого эффекта

ный муж, хороший отец... Как гладко все получается! «Стоп, — сказала себе Сильви и потянулась к записной книжке и любимым сигаретам. — Для начала неплохо бы навести справки...»

Таким образом, очередная жертва была выбрана. И Сильви начала военные действия. Она следила за своим героем неотступно, преследуя его буквально по пятам. Репети-

ции, съемки, обед у нового продюсера... Рядом с Луи повсюду семенила его худенькая жена Жаннин. Мадам де Фюнес отвозила мужа на студию и привозила домой, в старинный замок Шато де Клермон, она покупала для него капли в аптеке, заказывала новые костюмы и подбирала галстуки. Пока супруг был занят на репетициях и переговорах, она терпеливо ждала в кафе за у-

лом, пролистывая журналы и аккуратно вырезая все заметки о своем ненаглядном Луи. Сильви послала Жаннин де Фюнес несколько анонимных писем от якобы тайной возлюбленной ее мужа. Никакого эффекта. Сильви попробовала подкупить садовника де Фюнесов Виктора — слуги знаменитостей обычно жадны до денег. Но этот оказался неприятным исключением — от взятки отказался, да еще пригрозил вызвать полицию. На следующую ночь она осторожно пробралась в имение Луи, где обследовала каждую розовую клумбу, каждый метр газона — никаких компрометирующих находок. Ранним утром ей удалось подслушать разговор горничной и экономки — но снова ничего интересного. Наконец, Сильви попыталась завязать знакомство со стар-

Как-то Луи повесил на двери квартиры табличку: «Торгую весельем с 9-00 до 18.00». И что же? Толпы идиотов занимали очередь с самого утра!

шим сыном Луи, Патриком — мужчины часто болтливей женщин, особенно в постели. Увы, этот угрюмый малый, похоже, так и не понял, чего же хочет от него лукавая длинноногая дамочка в коротком платье с глубоким декольте... Сильви почти отчаялась. Оставалось последнее — застигнуть Луи врасплох, разозлить, вывести из себя и потом... Впрочем, что случится дальше, Сильви плохо себе представляла. Но она что-нибудь придумает.

Попасть на студию, где снимался

Фюнес, не составило никакого труда. Она ворвалась в гримерку, когда Луи отдыхал в перерыве между дублями. И вот перед ней сидит это странное существо — старик-ребенок, крошечный гном, обтянутый тонкой сухой кожей и изъеденный морщинами. Кутается в ветхий замусоленный пиджак и не обращает на нее никакого внимания, будто он слепец и ничего вокруг не видит. Сильви ожидала чего угодно — криков, отборной брани, пощечины, наконец, но не таково безразличия...

...Луи молча смотрел на нее. Он не имел ни малейшего представления, кто эта раскрашенная кукла и чего ей нужно. Он вообще не выносил всех этих нынешних полуголых красоток на чудовищных платформах, в коротких шортах и с сигаретами в зубах. В годы его молодости было неприлично носить юбку выше колена, а что они сейчас вытворяют... Стоит ему только появиться в торговом центре, как тут же начинается давка. Безумные особы женского пола бегают со всех сторон и бесцеремонно глазят на него, раскрыв рты от удивления. Как-то, шутки ради, он повесил на двери своей парижской квартиры табличку: «Торгую весельем с 9.00 до 18.00». И что же? Огромная толпа идиотов, желающих получить свою порцию смеха, выстраивалась в очередь с самого утра! Вот и эта девица, должно быть, ждет от него очередного фокуса: например, что он перекувыркнется через голову

Режиссеров Фюнес просто «обожал»: с ними у него были старые счеты. Андре Юнебель, когда снимал «Фантомаса», чуть не поседел из-за проделок Луи. Тот вообразил себя великим каскадером и желал выполнять трюки самостоятельно

В жизни Луи был человеком, который всегда получает пинок под зад. В кино же он сам раздавал пинки и отвечивал оплеухи. (Кадр из фильма «Жандарм женится». 1968 г.)

или сожрет кактус. Не дожدهшься, милая!

Тридцать лет назад девушки не воспринимали его всерьез, даже не смотрели в его сторону. Первая любовь Луи, барышня по имени Элинор Лабурдетт, относилась к нему разве чуть нежнее, чем к пролетавшей мимо мухе. Ради нее шестнадцатилетний Фюнес устроился чертежником в проектную мастерскую (ему пришлось наврать хозяину, отцу Элинор, что он великолепно владеет карандашом). Не так давно он, кстати, встретил ее, средненькую актрису, пережившую три неудачных брака и как минимум одну пластическую операцию, в коридоре студии «Гомон». Она возбужденно щебетала, без устали восхищаясь его талантом, но так и не узнала в Луи того маленького неопрятного чертежника, который провозжал ее влюбленными глазами. А он и не стал напоминать...

Женщины, мужчины, поклонники, слава — вся эта суета вот уже лет двадцать как абсолютно не интересовала Луи де Фюнеса. Сегодня из состояния полного безразличия его могли вывести лишь суммы контрактов да огромные счета, которые ежедневно приносит экономка:

Жаннин так и не научилась вести хозяйство! В глубине души она все еще оставалась той восторженной, романтической Жанной Бартоломьи, которая знала наизусть всего Лафонтена, но совершенно не представляла, как нужно варить гороховый суп... Впрочем, Жаннин была единственной женщиной, рядом с которой Луи не думал о своем маленьком росте. Он до сих пор помнит тот ужас унижения, который испытал, когда призывная комиссия нашла его негодным к строевой службе: при росте 1 м 64 см двадцатилетний Фюнес весил всего 55 кг. Для Жанны же размеры не имели никакого значения. Она всегда жила в мире, который придумывала себе сама, и видела вещи такими, какими хотела видеть.

....Когда юная Жанна привела Луи в скромную и чистенькую родительскую гостиную, дородная госпожа Бартоломьи всплеснула руками. «Милая моя, он же смешон, — не сдержавшись, прошептала она, — да и потом он явно ниже тебя ростом...» Несколько дней назад дочь объявила, что желает представить родителям своего нового знакомого, наследника знатного испанского рода Луи де Фюнеса де Галарза. Семейство

У сына Фюнеса, Оливье, росла прелестная дочь, но Жанне иногда казалось, что Луи не помнит имя внучки...

Бартоломьи, страшно гордое дальним родством с самим Мопассаном, всегда надеялось на удачное замужество дочери. Дворянин с таким звучным и длинным именем вполне устраивал тщеславных буржуа. Однако испанский идальго оказался крошечным комичным человечком в старомодном, притом не очень чистом костюме. Он был страшно голоден и быстренько смел все эклеры, которые мадам Бартоломьи с таким трудом разыскала в оккупированном Париже. Ему двадцать восемь,

он посещает актерские курсы Рене Симона, где они и встретились с Жанной. Что он делал до этого? О, работал портным, чертежником, посыльным, оформлял витрины, развозил молоко по утрам... И поверьте, мадам, это еще далеко не все, что он умеет делать...

...Мадемуазель Сованж, бесцветная сухая особа, срывается, как обычно, на двадцать пятой минуте урока: «Фюнес, вон из класса!» Крышка парты с грохотом откидывается, и маленький взъерошенный

мальчуган испуганно тянет тоненьким голоском: «Но мадемуазель, я же ничего не сделал плохого...» В ответ — взрыв хохота. В том, как Луи вытягивает шею и мелко трясет подбородком, каждый узнает ненавистную математичку. В школе Луи проявляет поразительную неспособность к точным наукам. Он не умеет складывать дроби, не может отличить катет от гипотенузы и с большим трудом решает простейшее уравнение с одним неизвестным. Чтобы в глазах приятелей не прослыть полным идиотом, Луи устраивает шоу из каждого своего появления у классной доски. За спиной учителя он гримасничает и выпучивает глаза, как умалишенный.

В доме Луи на улице Карно, в пригороде Парижа, всем заправляла мадам де Фюнес. Леонор, женщина бурного темперамента, до хрипоты ссорилась с соседками и легко, без малейших усилий выбивала кредит в мясной лавке. Муж, знатный испанский дворянин, любимец женщин всего квартала, очень скоро ее разочаровал. Карлос работал в ювелирном магазине и как-то принял самых обычных воров за состоятельных покупателей. Он позволил одному из них взять на время жемчужное кольцо, чтобы дома показать жене. Стоит ли говорить, что больше жемчуга никто не видел, и семейство де Фюнес расплачивалось за него в течение пяти лет... Своих детей Леонор обожала, поэтому не скупилась на шлепки и подзатыльники. Луи же ходил в лю-

бимчиках, и она не могла на него долго сердиться. Стоило ему изобразить, как старый лавочник взвешивает крупу, причмокивая и поплеывая на палец, мамаша начинала хохотать так, что дрожали оконные стекла. Однажды Луи вздумалось поиграть в благородного разбойника Зорро, и он ловко набросил лассо на шею одного из своих приятелей. Мальчишка чудом остался жив. После этого терпение матери лопнуло и Луи отравили зарабатывать деньги. В швейной мастерской он за 8 франков в день с утра до вечера ползал на коленях, собирая с пола булавки, затем выпрямлял их специальными шипцами и сортировал по размеру. Уже через неделю он люто возненавидел директора и тайно подумывал, как бы умертвить хозяйскую канарейку. Директор, застав Луи за метанием булавок в клетку с бедной птичкой, немедленно выставил героя на улицу. Довольный Луи сразу же отправился на берег Сены, где до вечера беззаботно ловил рыбу. Из фотоателье его выгнали за то, что он едва не устроил пожар, подбросив петарду в ящик стола, а из шляпного салона — за то, что, насмотревшись фильмов с Чарли Чаплиной, плеснул воды в лицо управляющему...

...Жених не имел ни малейшего понятия о хороших манерах, чувствовал себя ужасно неловко и совершенно не знал, куда девать тощие руки. Вдобавок ко всему, уходя, он разбил горшок с цветами — гордостью хозяйки дома. Всю ночь мадам Бартоломьи пыталась вразумить Жанну. Она искренне не понимала, что дочь нашла в этом тощем недоумке, так и не освоившем толком ни одну из своих многочисленных профессий. Ее милая девочка достойна лучшего избранника, например, лионского фабриканта с приличным счетом в банке. Зачем ей сдалось это чучело? Но Жанна, всегда такая мягкая, романтичная и послушная, была неумолима. 22 апреля они поженились. Весна 1942 года выдалась на удивление поздней и холодной — пока шла церемония, жених и невест-

та продоргли до костей и громко стучали зубами.

Париж голодал. Луи с утра до ночи носился по городу, как бешеная собака, в поисках какой-нибудь работы. От благородного папочки он унаследовал панический страх перед нищетой. Дома его ждала любимая, но совершенно не приспособленная к жизни жена. Бартоломьи дали дочери

прекрасное образование, но так и не научили ее ничему полезному. Луи быстро понял, что благосостояние их семьи всегда будет зависеть только от него. Ему наконец повезло — Фюнес устроился кладовщиком на продовольственный склад. Человек, в чьих жилах текла голубая кровь испанских аристократов, взвешивал зерно и резал масло на 150-граммовые кусочки.

Из фотоателье Луи выгнали за то, что он едва не устроил пожар, а из шляпного салона — за то, что плеснул воды в лицо управляющему...

Женщина с фамилией Чаплин имела все шансы повлиять на упрямого Луи. Ведь он боготворит великого отца Джеральдины и каждое воскресенье в своей спальне пересматривает его фильмы!

Луи никогда не скрывал своего предпочтения к младшему сыну. На свадьбе Оливье де Фюнеса (слева направо: Луи де Фюнес, его жена Жанна и Оливье с невестой)

Велосипед тряхнуло, и из корзинки выпали два куска мяса. Луи сорвался с места и схватил их перед самым носом у соседского пса...

День, когда удавалось стащить несколько кусков сахара для Жанны, он считал счастливейшим в жизни. Как-то они сидели вдвоем у окна в своей крошечной квартирке. Каждый молча и сосредоточенно мечтал о свиной отбивной — оба ничего не ели с утра. Мимо на велосипеде проезжал мясник с огромной корзиной. Вдруг на булыжнике велосипед хорошенько тряхнуло, и из корзинки выпали два кусочка мяса. Хозяин ничего не заметил и спокойно поехал дальше. Луи сорвался с места, перепрыгнул через ограду и схватил мясо перед самым носом у соседского пса...

...В ночном кабаре на площади Пигаль можно легко снять сговорчивую девицу, заложить обручальное

кольцо и выпить дешевой яблочной водки. В облаках сизого табачного дыма медленно фланируют проститутки, сутенеры, карманники и пьяные немецкие солдаты. Расстроенное вдрызг пианино издает истощенные звуки. Тапер небрит, измучен и очень хочет спать. Его зовут Луи де Фюнес, и местные красотки из жалости иногда угощают артиста жидким кофе. Ночи напролет он отвлеченно играет бодрые марши, но хозяйка ничего не смыслит в музыке и потому относится к нему снисходительно. Ей, в общем, повезло — Луи обходится заведением почти даром: два бесплатных обеда в день — ему и его жене. Бедняжка Жаннин беременна и вот-вот родит...

Патрик появился на свет в ноябре 1944 года. Болезненный мальчик вырастет угрюмым, замкнутым и неразговорчивым человеком, который будет интересоваться только медицинской, проявляя странное равнодушие к девушкам и собственным родителям. Спустя несколько лет Жанна родила второго ребенка, которого назвали Оливье. Луи никогда не скрывал своего предпочтения к младшему сыну — тот вышел прехорошеньким: глазастым, с длинными пушистыми ресницами. Впрочем, на воспитание детей времени у папаши никогда не было...

...В старинном замке Шато де Клермон все готово к ужину. В ожидании мужа Жанна неслышно обходит свои владения. Смешно признаться, но когда она узнала об этом неожиданном наследстве — замке самого Ги де Мопассана, то так разволновалась, что сперва даже хотела отказаться от прав на владение. Хорошо, что Луи вмешался. Он кричал, что скорее сдохнет с голоду, чем лишит детей достойного крова. Он так изменился за эти годы, что порой она не узнает в этом злом и раздра-

Когда Жанна узнала, что Луи неожиданно получил наследство — замок Ги де Мопассана, она так разволновалась, что даже уговаривала мужа отказаться от прав на владение. Но Фюнес кричал, что скорее сдохнет с голоду, чем лишит детей достойного крова

жительном господине своего милого маленького Луи... Жаль, что дети так и не привязались к знаменитому дому. Патрик все время проводит в Париже за учебниками, а Оливье целыми днями сидит, закрывшись в своей комнате. Он с детства мечтает стать пилотом, но, кажется, Луи уготовил ему иное будущее. Размышления Жанны прерывает шумное появление мужа: «Подумать только, эти подонки хотели урезать мой гонорар ровно вдвое! Но я быстро поставил

их на место! В конце концов, кто из нас товар, который хорошо продается?» Луи явно не в духе. На ужин ему, как обычно, подают бифштекс и салат. Фюнес недоволен всем на свете, в том числе степенью прожарки мяса и кислым выражением лица Оливье. Сегодня от папочки достанется всем. Жанне припомнят ее первое в жизни платье от Шанель, купленное пару месяцев назад, а сына отругают за лень и глупые мечты о небе и самолетах. Кроме того, не так давно непуте-

вый наследник был застукан в винном погребе замка в теплой компании таких же бездельников, а любимое изречение главы семейства де Фюнес, как известно, гласит: «Самые большие глупости совершает человек с бокалом в руке». И дело не в том, что в этом году в Шато де Клермон виноград не уродился: Луи трясется над своими винными запасами, словно Скупой рыцарь над сундуком с золотом. «Да, — вдруг вспоминает отец, — я договорился, у тебя будет

В кино из него пробовали сделать героя-любовника, но безуспешно: ни одна француженка не захотела бы увидеть утром в своей постели эту карикатуру на мужчину...

роль в моем новом фильме. Ты должен продолжить семейную актерскую династию. И не вздумай мне перечить! Тебе роли приносят домой на блюдечке! А сколько пришлось испытать мне, прежде чем я добился известности?!»

...Оливье лениво зевнул. День he обещал ничего хорошего: ему всегда было противно паясничать перед кинокамерой. Хотя вон та ассистентка ничего, можно пофлиртовать... Надо же было какому-то умнику придумать такой идиотский сценарий: машина попала в аварию и теперь висит над обрывом, в салоне — выживший из ума комик, безумная тетка и Оливье, который мечтает об одном — чтобы поскорее все закончилось... Режиссер Серж Корбер сияет от счастья. Еще бы, первый съемочный день, и удалось заполучить самого Луи де Фюнеса! Откуда-то выплывает еще одна звезда — актриса Джеральдин Чаплин. Оливье еле сдерживает улыбку. Она похожа на породистую лошадь, а губы сжала так, словно только что хлебнула лимонного сока! Все важно прохаживаются и избражают на лицах творческие муки. Но Оливье прекрасно знает, что начнется, когда появится любимый папаша собственной персоной. Вот тогда они побегают, то-то пойдет потеха... Луи примется истошно скандалить со сценаристами и обязательно заставит переписать финальную сцену. Заплаканная костюмерша помчится утюжить его костюм, гример поскачет за новыми париками. Оператору придется здорово попотеть: Луи требует переснимать каждый эпизод со своим участием раз по тридцать! А что ждет беднягу Сержа на монтаже! Ему необходимо заблаговременно подумать о хорошем доноре: Луи выпьет всю его кровь до последней капли. Режиссеров папочка просто «обожает»: с ними у него старые счеты. Андре Юннебель, когда снимал «Фантомаса», чуть было

не поседел из-за проделок Луи. Тот вообразил себя великим каскадером и желал выполнять трюки самостоятельно. Все закончилось плачевно: Луи выпал из самолета прямо на пышные кусты роз. Колочки из него вытаскивала вся съемочная группа. Целую неделю страдающий и причитающий де Фюнес отлеживался в гостинице. Если бы с ним случилось что-нибудь более серьезное, то Юннебель закончил бы свою жизнь в долговой тюрьме: продюсеры платят Луи миллионы, но он приносит гораздо больше, и смерть «золотого лудора» они не простят никому...

...Никакого сомнения, этот негодяй нарочно заперол все дубли! Луи скрежетал зубами от ярости: Оливье забывал текст, не слышал подсказок, широко зевал и всем своим видом давал понять, что ему равным счетом на все плевать. Его равнодушие к съемкам вывело из себя даже флегматичную Джеральдин. «Этому мальчишке не место в кино», — отрезала она и величественно удалилась в свою гримерную. Женщина с фамилией Чаплин имела все шансы повлиять на упрямого Луи. Ведь он боготворит ее великого отца и каждое воскресенье в своей спальне в Шато де Клермон пересматривает его фильмы! Джеральдин достаточно умна, и он может позволить себе быть с ней откровенным. Она должна понять: Луи просто обязан сделать жизнь сына счастливее, чем та, которую довелось прожить ему самому. «Я слишком долго ждал в приемной его величества Успеха, — жалуется он Джеральдин, — слишком долго и безуспешно звонил у дверей, пока меня не впустили...»

Впервые в кино Луи появился в 1945 году. Он переиграл целую толпу слуг, мелких воришек, официантов, соседей и комичных влюбленных — общим количеством в семьдесят пять человек. Из него пробовали даже сделать настоящего героя-любов-

Луи утратил интерес к жизни. Перестал проверять счета и принимать капли. Теперь он любил только свои розы...

О Фюнесе почти забыли. Продюсеры не давали денег на фильмы с участием актера, сердце которого может остановиться в любой момент

ника, но безуспешно: ни одна уважающая себя француженка не захотела бы увидеть утром в своей постели эту карикатуру на мужчину... Луи приходилось соглашаться на любые, даже самые крошечные роли, потому что у него почти всегда не хватало денег на оплату квартиры или на воскресный обед для семьи. В жизни он считал себя полным неудачником, но в кино бедный Луи изо всех сил старался играть значительных персонажей. Все его старания пропадали впустую. Режиссеры были им недовольны: «Что у тебя с лицом? Почему оно всегда такое мрачное?»

Но после фильма «Не пойман — не

вор» о Луи снисходительно заговорили критики, а зрители запомнили его лицо и фамилию. В роли хитроумного Блеро Луи был восхитителен. Он играл самого себя. Нет ничего удивительного в том, что Блеро так виртуозно подсекает форель, расставляет силки для куропаток и гениально водит за нос блюстителей порядка. Ведь еще мальчишкой Луи ухитрился тайком от мамы выгодно продать богатый улов соседкам...

В жизни Луи был человеком, который всегда, в любом случае и при любом раскладе, получает пинок под зад. В кино же он сам раздавал пинки и отвечивал оплеухи. Он добился ус-

пеха только тогда, когда перестал бояться выглядеть смешным. Полное ничтожество стало знаменитостью. На экране родился «тот самый» Луи — подвижный неугомонный холерик с дикими гримасами и ужимками, который без устали гоняется за преступниками и золотыми слитками. Но домой, в свою парижскую квартиру, к Жанне и сыновьям, возвращался совсем другой Луи, вмиг постаревший, смертельно уставший, опустошенный заботами человек, слишком многое переживший и потерявший за свои сорок с лишним лет.

Первый инфаркт у Луи случился на сцене во время спектакля «Вальс матадоров». Через несколько месяцев, уже в госпитале — второй. «Это, наверное, для того, чтобы я лучше осознал первый», — пробовал шутить де Фюнес. Он долго болел, и о нем почти забыли. Продюсеры отказывались давать деньги на фильмы с участием актера, сердце которого может остановиться в любой момент, а публика отказывалась верить в то, что у комика вообще может

Иногда он снова видел себя
беззаботным мальчишкой,
который удирает с уроков
на рыбалку, а по пути ловко
ворует каштаны в саду
у зазевавшейся соседки...

быть сердце. Когда спустя несколько лет в Шато де Клермон раздался телефонный звонок и режиссер Жан Жиро предложил Луи новую роль в своем фильме, тот долго разыгрывал удивление и дрожь в голосе: «Ты же знаешь, как я болен... Не могу... Но я подумаю... Перезвони...» Опустив трубку на рычаг, он тут же помчался к Жанне с резвостью, которой трудно ожидать от человека со столь слабым здоровьем, и потребовал, чтобы его сейчас же везли на прием к врачу и сделали кардиограмму.

Пожалуй, Жиро был единственным режиссером, которому удалось подружиться с Луи. Вместе они сделали девять фильмов и каким-то чудом ухитрились ни разу не подражаться. На съемках нового фильма Жиро Луи хотел обмануть всех и в первую очередь свое сердце. «Мотор!» — командует Жиро. Луи вскакивает и

ко свои розы. Единственным человеком, которому он доверял, был садовник Виктор. Они неторопливо беседовали о цветах, правильном поливе и новых удобрениях. Иногда отправлялись вместе рыбачить, и глаза Луи оживали при виде каждой пойманной форели. Он снова видел себя беззаботным мальчишкой, который удирает с уроков на рыбалку, а по пути ловко ворует каштаны в саду у зазевавшейся соседки...

За неделю до смерти он сказал своей жене: «Я знаю, какой будет моя самая удачная шутка». — «Какая же?» — «Мои похороны. Я должен сыграть это так, чтобы они хохотали не переставая...»

Холодным январским днем 1983 года он долго сидел на скамье в саду среди своих роз, а потом обратился к Виктору: «Не знаю, почему у меня так отяжелели ноги. Чем ближе я подхо-

Фюнес видит Жиро, который лежит на земле, к нему бегут какие-то люди. Луи уже знает, что произошло: смерть просто ошиблась. Она искала его...

принимается за старые трюки: вопит, визжит, выделывает какие-то немислимые па ногами, куврыкается и строит камере жуткие гримасы... Стоп! Что-то случилось... Луи беспомощно озирается: неужели кто-то недоволен его игрой? И тут он видит Жиро, который лежит на земле, к нему бегут какие-то люди, и молоденькая ассистентка, влюбленная в режиссера, истошно кричит и роняет свою хлопушку. Луи уже знает, что произошло: смерть просто ошиблась. Она искала его...

Он утратил интерес к жизни. Перестал проверять счета и принимать капли. Спрятался в своем старинном замке и больше никогда не покидал его, никого не принимал, не отвечал на телефонные звонки. Патрик стал хорошим рентгенологом и работал в частной клинике, Оливье летал борпроводником на пассажирских авиалайнерах в Кению и Зимбабве. У него росла прелестная дочка, но Жанне иногда казалось, что Луи не помнит имя внучки... Теперь он любил толь-

жу к дому, тем дальше он от меня...» В тот вечер у него особенно болело сердце, но Луи ни на что не жаловался, только заметил мельком, что, наверное, где-то подхватил грипп. Утром он вышел к Жанне со словами: «Я скучаю один в своей комнате...» Это были его последние слова.

...Сильви Моро смотрела репортаж с панихиды и вспоминала о том, как несколько лет назад хотела сделать материал о Луи де Фюнесе. Вспоминала их встречу в гримерке киностудии и маленького сморщенного старичка с потухшим, равнодушным взором. После той встречи — впервые за свою карьеру — Сильви решила плюнуть на свою затею. Она оставила де Фюнеса в покое и до сих пор не сомневалась, что поступила правильно. Люди на телеэкране вдохновенно говорили о том, что французы потеряли своего самого лучшего комика. Они не знали, что настоящий Луи де Фюнес умер намного раньше...

Наталья Рыбинская